

Феромоны Гу Яня были в полном беспорядке. Высоко ранговый альфа, его запах сам по себе подавлял всех, кто слабее по уровню. В комнате стояло напряжение — никто не смел дышать. Несколько сопровождавших омег дрожали от страха.

Никто не понимал, с чего он вдруг сорвался. Зашёл, не сказал ни слова, налил себе — и начал пить. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, кто-то пошутил: «А чего ты без своего маленького любимчика?». И всё. Пару бокалов — вдребезги. А дальше — феромоны хлынули волной. Уровень уже такой, что впору вызывать службу контроля, в изолятор тащить.

Он молчал. Не объяснялся. А без его команды никто не решался уйти. Все просто сидели — как на иголках — надеясь, что любимчик Гу Яня скорее придёт и уведёт его.

Из всех в комнате только Чжоу Цзиншуо, который с ним с детства, мог что-то сказать.

— Бро, ты чего опять? Опять с малым поругался? Вы ж вроде только-только наладили... Слушай, он ведь реально хороший. С утра до ночи носится, заботится. Любой другой омега давно бы хлопнул дверь. Возьми и купи ему цветы, ну...

Он не успел договорить — бокал с силой ударил его по голове. Звон, крик, стекло — и кровь.

Чжоу Цзиншуо поморгал, приложил руку к виску, посмотрел на пальцы — в крови. Беззлобно выругался:

— Да что орёте-то? Не сдох же.

Он и правда не думал, что всё так серьёзно. Видел последние дни, как брат только и делал, что хвастался, какой у него теперь омега. Думал — поссорились, ну и что, бывает. Решил успокоить. Получил.

Если по правде — с тех пор, как побывал у брата дома и увидел Сюя лично, а потом начал наблюдать, как тот живёт, понял: парню реально тяжело. Он любит по-настоящему. Всё делает молча. Смотрит в рот. Не перечит. Всегда старается — и при этом не выставляет Гу Яня дураком. Любой другой омега давно бы устроил скандал.

А его брат — настоящая мразь. Выжал из него всё, что можно, оставил пустую оболочку, и ещё нос воротит. То, что он вытворяет — за такое бросают. А он ещё и бесится.

Лично он — если бы рядом оказался кто-то вроде Сюя — на руках бы носил.

Его брат себя ведёт, как псих, а Сюй Сяочжэнь — всё терпит. И даже продолжает его любить.

Что ни говори, но он настоящий воин.

Чёрт побери! Почему ему самому не досталась такая судьба? Такие, как Гу Янь, заслуживают только одного — чтобы их трупы выбрасывали в канаву.

До клуба было километров десять от дома. Сюй Сяочжэнь водить не умел, на автобусе — слишком долго, оставался только такси. Хотя и больно по кошельку, но поехал.

Он весь день не притрагивался к еде. Только в машине почувствовал, как скрутило желудок. Но боль быстро перешла в онемение — и будто отпустило.

У входа его немного придержали. Проверили документы, удостоверились, кто он такой — и только тогда провели внутрь.

Клуб был роскошный, до абсурда. Показное, разлагающее богатство. Всё сияло золотом, блеском. Даже искусственная речка в зале была наполнена не водой, а белым вином. Воздух густо пропитан ароматами, от которых кружилась голова уже после пары шагов.

Глаза Сюй Сяочжэня, и так не самые чувствительные, почти ослепли от ослепительного света. Коридоры в клубе — как лабиринт. Его вели кругами, поворот за поворотом, пока, наконец, не остановились у массивной двери.

В комнате толпились люди — мужчины и женщины, прижавшиеся к стенам, словно кто-то начертил вокруг Гу Яня невидимый круг радиусом в пять метров. Никто не осмеливался переступить границу. Вся толпа дрожала, как вспугнутая перепёлка.

Если бы Сюй Сяочжэнь был омегой, он бы почувствовал, как густо и душно воздух пропитан феромонами.

Феромоны Гу Яня — скажем так, — пахли типографской краской. Но не той, что ассоциируется с уютом книг. Это был запах денег. Чистых, резких, бесстыдно дорогих.

Будто тебе в лицо метнули веер свежих купюр. Будто ты оказался взаперти в банковском хранилище, втиснут между сейфами и холодным металлом. Этот аромат идеально вписывался в мир, где золото лилось рекой, где винный осадок блестел в бокалах — он был точным отражением своего носителя: напористого, бесцеремонного, жадного до власти.

Но Сюй Сяочжэнь был бета. Ни запах, ни давление на него не действовали. Он шёл ровно, без тени смущения.

Чжоу Цзиншуо пунцово покраснел. Он сразу понял: брат вновь усилил феромоны — преднамеренно, как вызов. Сигнал доминирования. Давление.

А его неунывающий, упрямый маленький “зять” не дрогнул ни на миг. Шёл быстро. Уверенно. Просто вошёл.

Чжоу с ужасом подумал: опять брат строит глазки... слепому. Этот парень — бета.

Кому ты здесь феромоны распыляешь? Он их разве должен почувствовать?

Но Сюй Сяочжэнь и вправду оказался храбрым. В такой гнетущей атмосфере — и ни малейшего страха. Теперь было ясно, почему они с его братом всё же стали парой.

Чжоу Цзиншуо поспешно уступил дорогу и воскликнул:

— Мелкий! Слава небесам, ты пришёл! Он совсем свихнулся!

Сюй Сяочжэнь бросил взгляд на Гу Яня — тот, похоже, был цел. Вместо этого он подхватил пошатывающегося Чжоу Цзиншуо. У того на лбу зияла рана — круглая, с ладонь. Сюй резко втянул воздух:

— Ты в порядке? Это Гу Янь ударил? Сейчас вызову скорую... Пожалуйста, прости его.

Он извинился. За Гу Яня. Потому что как бы они ни были близки — это не повод швыряться в людей. Ни в своих, ни в чужих.

Чжоу Цзиншуо чуть не разрыдался. После удара он ожидал чего угодно — только не извинений. Пожал Сюю руку крепко, как родному, словно в этом мгновении нашёл единственного, кто его понял. На миг всё стало хрупким, по-настоящему.

Он уже открыл рот — хотел что-то сказать, — как феромоны Гу Яня сорвались с цепи. Стало гуще, плотнее, злее. Как волна из глубины — хлынули на него, давя с такой силой, что сработал первобытный страх.

Он сразу понял, на кого это направлено. Быстро отпустил Сюя, отступил:

— Всё в порядке, правда. Лучше на него посмотри. Он, кажется, с самого вечера на грани.

Сюй подошёл ближе, не обращая внимания на остальное. Взял Гу Яня под руку, негромко:

— Что случилось? Перебрал? Пойдём, я отвезу тебя домой.

Гу Янь резко оттолкнул его. Опустошил бокал залпом — и даже не покачнулся. Был абсолютно трезв.

Откинулся на диван, посмотрел снизу вверх, с ленивой усмешкой и холодом в глазах:

— А ты чего тут делаешь? Не с Цзиншуо ли болтал? Чего не остался с ним? Или ты думал, я не заметил? Ты же прекрасно понял, чего он от тебя хочет.

Он говорил без нажима, но каждое слово — как пощечина.

— Флиртовать с другим альфой у меня под носом — тебе это в кайф, да? Или ты думал, я не увижу? Если бы я тебя не остановил, ты бы с ним в койке оказался? Так у тебя всегда? Кто погладил — тому спасибо телом?

Комната замерла. Десятки глаз — только на них. Воздух будто сгустился, стал вязким.

Сюй Сяочжэнь побледнел, сжал руки, опустил взгляд. Публичное унижение прожгло до костей. Он едва держался на ногах.

Но Гу Янь только раззадорился. Его молчание выводило из себя. Он резко встал — навис над ним, как удар.

— СЮЙ СЯОЧЖЭНЬ!!! Ты вообще кто такой, а? Какое, к чёрту, ты имеешь право злиться?! На чьи деньги ты живёшь?! На МОИ! Без меня ты — просто жалкий бета из 18-го сектора!

Он просидел здесь два часа. За всё это время от Сюй Сяочжэня не поступило ни одного звонка, ни сообщения, ни даже намёка на то, что он собирается его искать. А когда тот наконец появился, первое, что он произнёс, было вовсе не «ты как?» — вместо этого он спросил: «Чжоу Цзиншуо в порядке?» Он упрёкнул его. За удар. За Чжоу Цзиншуо.

Каждый раз, когда Гу Янь вспоминал этот момент, в голове будто начинало звенеть — словно кто-то обмотал её плотной ватой и с яростью бил по черепу дубинкой. Нервы натягивались до предела, и возникало почти физическое желание крушить всё подряд, как если бы боль внутри требовала выхода.

Как Сюй Сяочжэнь вообще мог так поступить с ним?

Да, он вел себя, мягко говоря, неадекватно. Был пьян, злился, сорвался. Но разве от пьяного можно требовать логики? Разве в этом состоянии кто-то рассуждает здраво?

Сюй Сяочжэнь пытался сам себя успокоить, повторяя про себя: "Он не в себе... Он пьян... Это не всерьёз..."

Но голова раскалывалась от боли, а сердце ныло — от этих слов, от унижения.

Он злился. Был обижен. И в то же время — внутри просачивалась какая-то обречённая усталость.

Гу Янь всегда был таким. Он не менялся. Значит ли это, что вся их жизнь будет такой? Бесконечный цикл боли, вспышек, примирений?

Мысль вырвалась внезапно: он должен был дать ему пощёчину. Прямо сейчас. Чтобы тот очнулся.

И тут же — испуг. За то, что вообще подумал об этом. Он же клялся...

Да, когда-то он поднимал на него руку. Но это было когда-то. Пять лет назад. С тех пор — только раскаяние. Он тысячу раз прокручивал в голове ту ночь. Сожалел, что наговорил лишнего. Что его последнее слово к Чжоу Яню было — упрёк.

Пять лет он молился, чтобы всё вернулось. Чтобы можно было исправить. Он клялся: если тот вернётся — он никогда больше не скажет "нет". Всё, что скажет Чжоу Янь — будет законом. Он будет его ублажать хоть до конца жизни.

И вот — прошло всего два месяца. Как он мог подумать о пощёчине?

Сюй Сяочжэня бросило в холод. Он опустил голову, будто под тяжестью собственного выбора, сжавшись в себе — так ведёт себя человек, который только что предал не другого, а самого себя.

Чжоу Цзиншуо в это время сидел, попеременно краснея и бледнея. В голове всплывала какая-то старая, сказанная когда-то вполголоса шутка — ничего не значащая, мимолётная. А теперь Гу Янь вытащил её на свет, оголил, выставил перед всеми. От стыда хотелось исчезнуть.

Но даже если бы он и захотел чего-то большего — разве брат позволил бы?

Сюй Сяочжэнь потянул Гу Яня за руку, голос был мягкий:

— Всё, хватит, не злись. Ты перебрал. Пошли домой.

Гу Янь взорвался. Отшвырнул его руку, закричал так, что у всех в ушах зазвенело:

— Я ЗЛЮСЬ?! Сюй Сяочжэнь, ты называешь это — я злюсь?!

Чжоу Цзиншуо едва не потерял сознание от напряжения. Попытался вмешаться:

— Брат, да ты не так понял...

Он не успел договорить. Гу Янь опрокинул стол. Всё посыпалось на пол с грохотом. Осколки стекла врезались в кожу, две острые кромки поцарапали Сюю лицо — кровь тут же пошла. Феромоны вырвались наружу — уже неконтролируемо.

Чжоу Цзиншуо буквально задышался. Давление было таким, что он не мог пошевелиться. Почти заикаясь, прошептал:

— Брат, ну хватит. Если он не прав — пусть выпьет, извинишься и забудем. Не стоит же устраивать такое...

Он обернулся к Сюю:

— Мелкий, ну... извинись. Просто... голову опусти. Пожалуйста.

Гу Янь, похоже, не возражал. Снова опустился на диван, кивнул подбородком в сторону бутылки — мол, с пола подними, налей, пей.

Сюй Сяочжэнь стоял, будто оглушённый. В голове — звон. Мысли встали.

Он никогда не любил алкоголь. У него с детства был слабый желудок, и единственный раз, когда он позволил себе выпить, это был сладкий ликёр — в доме Гу Яня, в том далёком прошлом, где всё ещё казалось возможным.

Сегодня — день рождения его дочери. День поминовения. Внутри всё сжимается, мутит. Последнее, чего он хочет — это пить. Но отказаться он не может. Все смотрят. Стоит только послушаться — Гу Янь не оставит это просто так. Лучше уже уступить, лишь бы тот не вышел из себя. Лишь бы не стало ещё хуже.

Он открыл бутылку с тем обречённым спокойствием, с каким человек отпирает клетку, в которую сейчас войдёт сам. Глоток — обжигающий, горький, словно внутри плеснули кислоту. На секунду всё сжалось, тело воспротивилось, его едва не вывернуло, но он заставил себя проглотить. Медленно выдохнул, посмотрел на Гу Яня.

Тот остался доволен. Его напряжение ослабло, а с ним — и атмосфера в зале. Люди выдохнули. Словно опасность миновала.

Омеги, стоящие по периметру, зашевелились. Взгляды стали острее, настороженнее. В голове — мгновенные расчёты. Их внимание обратилось к Сюю — с новым интересом, с осторожным прищуром.

Омеги тоже бывают разными. У кого-то получается стать партнёром влиятельного альфы. Те, кто попроще, если хотят роскоши, должны выжать всё, что можно, из альф верхнего эшелона. Потому что в их мире это борьба — за доступ, за статус, за потомство. И если повезёт родить — можно считать, что билет в другую жизнь получен.

Когда они услышали, что Гу Янь выбрал себе бету, многие только стиснули зубы. Как же так? Такое сокровище — и досталось не им. Но теперь, увидев всё своими глазами, стало ясно: может, это и не такая уж удача.

Другие альфы, даже если содержат омег не по любви, умеют быть ласковыми. Есть видимость заботы, эмоциональной отдачи. С Гу Янём всё иначе. Он разбил голову собственному брату. И то, как он обращается со своим бетой, говорит гораздо больше, чем любые слухи.

Этот бета, похоже, действительно несчастен.

Сюй Сяочжэнь только хотел отставить бокал, как Гу Янь резко прикрикнул:

— Я не говорил тебе останавливаться. Пей дальше.

Омеги и альфы вокруг сразу оживились: кто-то звал официанта, кто-то уже подавал новые бокалы. Стол подняли, залили до краёв — на нём выстроился целый ряд бокалов.

Гу Янь наблюдал. Сюй Сяочжэнь понял: отступать некуда. Он стал пить один за другим.

Это были широкие кристальные бокалы для виски, по 400 миллилитров каждый.

Сначала была суeta, смех. Потом — тишина. Только звук глотков. Феромоны Гу Яня снова заполнили комнату, и все притихли, как цыплята. Один Сюй Сяочжэнь продолжал пить.

У альф принято соревноваться — кто больше выдержит. Но Сюй Сяочжэнь к такому не привык. После первого бокала — уже пошатывался. Всё плыло. Он пил второй — и не понимал, это слёзы или алкоголь льются по лицу.

После третьего и четвёртого ему казалось, что желудок разорвётся. Тело взбунтовалось, всё поплыло. Он просто упал вперёд, вызвав у всех панику.

К счастью, прежде чем он ударился головой о край шкафа, кто-то его подхватил.

Гу Янь обхватил его за талию правой рукой, поднырнул левой — и поднял на руки. Без слов, уверенно, быстро вышел из зала. Сюй Сяочжэнь потерял сознание и бессильно лежал в его объятиях.

Чжоу Цзиншуо подумал, что с его глазами что-то не так — ему показалось, что его брат, ещё минуту назад вне себя от злости, сейчас... улыбнулся.

Было уже за час ночи — самое холодное время в 1-м секторе. С неба медленно падал мокрый снег, вперемишку с дождём; плотная, колючая влага опускалась плавно, без звука, будто укрывала улицы чем-то серым и вязким. Когда открылась дверь, в лицо ударил ледяной ветер — острый, как лезвие. Кожа тут же покраснела от холода.

У самого входа остановилась машина. Водитель, Сяо Ван, вышел из салона и молча поднёс зонт.

Гу Янь, почти не задумываясь, прижал Сюй Сяочжэня к себе, спрятал его лицо у себя на плече, защитил от ветра. Подтянул полы кашемирового пальто, обернул его руки, закрыл ладонью уши и щёки — только после этого сел с ним в машину.

В это время, чуть дальше, клуб жил на пике. Час ночи — разгар. Свет, музыка, огни.

Мимо неспешно проходил юноша — семнадцать, может, восемнадцать лет. Он нёс зонт. Его волосы отливали серебром, как река звёздного света. Лицо — настолько прекрасное, что казалось почти иллюзорным, будто его вырезали из чего-то хрупкого и слишком правильного. Его звали по имени, кто-то махал рукой, он отвечал улыбкой — искренней, тёплой, словно само солнце в этом промозглом воздухе.

Глаза сияли, уголки глаз изгибались мягкой дугой. Он светился изнутри — юность, легкость, тепло, не тронутое ничем.

Он кивнул кому-то, закрыл зонт, передал его официанту на ходу. Но вдруг — взгляд скользнул в сторону.

Он увидел мужчину, державшего на руках юношу. Мелькнул чей-то лоб, щека, волосы, скрытые в чужом кашемире. Кто-то прятал чужое лицо у себя на груди.

Улыбка красавца застыла. Свет исчез.

В следующую секунду его взгляд изменился — стал ледяным и сосредоточенным. В глубине глаз вспыхнула ярость, всё светлое ушло, как будто его и не было. На месте лёгкого мальчишки теперь стоял совсем другой человек.

Друг, заметив перемену, обеспокоенно позвал:

— А'Ле? Что с тобой?

Красавец, которого звали А'Ле, вмиг отогнал эмоции. Ещё шире улыбнулся, подул в ладони и надул щёки с лёгким упрёком:

— Всё нормально. Просто... опять снег. Как же я его не люблю. Холодно.

Друзья засмеялись, окружили его:

— Только бы нашего А'Ле не продуло!

Шэнь Ле шёл в окружении толпы друзей, смеялся, но краем глаза провожал взглядом чёрный седан, исчезающий в ночи. В его взгляде — сгущённая тьма.

Брат... ты всё ещё жив?

Брат, как ты мог выжить? И ещё так хорошо выглядеть?

Брат... ты влюбился?

Сюй Сяочжэнь, прижавшись лицом к груди Гу Яня, начал немного приходить в себя, как только машина тронулась и клуб остался позади. Его тошнило. В животе сжималось, волнами подступали спазмы, и он судорожно сглатывал, надеясь, что удастся сдержаться. Всё тело будто стягивало в узел — холод, усталость, голод и алкоголь дали о себе знать разом.

Водитель, к счастью, оказался догадлив — не говоря ни слова, опустил боковое стекло с его стороны.

— Ты с ума сошёл?! — вскипел Гу Янь, повернувшись к нему. — Сейчас минус на улице, а ты ему окно открываешь?!

— Мне показалось, господину Сюю нехорошо, — пробормотал водитель, стараясь не встречаться с ним взглядом. — Он сейчас вырвет. Простите, генерал-майор...

Он знал характер Гу Яня. Знал и то, что если тот до сих пор не выставил Сюя на обочину — это уже почти проявление милости. В зеркале заднего вида было видно, как лицо Гу Яня темнеет с каждой секундой. Если бы не риск въехать в ограждение, что-нибудь уже непременно полетело бы ему в затылок.

— Пусть вырвёт! Машину жалко, что ли?! — голос Гу Яня срывался. — У тебя вообще мозги есть, или ты в детстве ими подавился?!

Но он не успел договорить. Сюй резко дёрнул его за рукав, наклонился и вырвал прямо на пол

между сиденьями.

Он почти ничего не ел. Вышло только то, что он пил — резкий запах алкоголя тут же наполнил салон. Смесь рвоты и кислоты попала на их одежду, оставив влажные, липкие пятна на штанинах.

Водитель внутренне поморщился, чуть не перекрестился. В его понимании, этот любовник вообще не стоил ни минуты внимания. Генерал-майор либо кричал на него, либо полностью игнорировал. И после такого, как правило, следовала команда: «Останови. Выбрось.»

Гу Янь действительно был в ярости. Бумаги под рукой не оказалось, и, выругавшись, он сдёрнул с себя кашемировое пальто и начал вытирать Сюю лицо.

Он никогда никого не обслуживал. Ни разу. Поэтому движения были резкими, неуклюжими, почти раздражёнными. Но он всё же делал это — сам. Его рука дрожала от напряжения.

Щёки Сюя вспыхнули от жара. Он судорожно вдохнул, глаза закатились, и он потерял сознание, оседая назад — прямо на заднее сиденье, всё ещё в объятиях Гу Яня.

Водителю было жаль пальто. Но он неожиданно понял: то, что генерал-майор лично вытер его — стоит куда больше, чем эта дорогушая ткань.

Похоже, он не настолько безразличен. Или хотя бы — не выкинет его на по дороге.

Когда Сюя донесли до дома, его снова вырвало. Он метался у унитаза, не в силах остановиться. Сначала выходил алкоголь, затем — только прозрачная, горькая жёлчь. Организм пытался изгнать всё, чего в нём и так почти не осталось. Ни следа еды. Пусто.

И только теперь Гу Янь впервые по-настоящему задумался: он ведь, возможно, весь день ничего не ел. Ни после ссоры, ни позже. Наверняка так и не притронулся к еде. Просто потому что не мог. Потому что ему было плохо.

Сюй Сяочжэнь слишком глубоко всё переживал. Он не умел говорить о чувствах, не знал, как делиться болью. Он не из тех, кто умеет объяснить словами — он просто замыкается, стирает себя.

Он оттолкнул поцелуй и поторопил — потому что был голоден? Думал, что они помирились, и хотел быстрее сесть за ужин вместе.

Гу Янь замер. Уставился на него. Медленно опустил на корточки и провёл ладонью по его бледному лицу — только тогда заметил две тонкие царапины.

Раньше их не было. Значит, случилось в клубе? Там был полумрак — он и не заметил.

Он вспомнил: перевернул стол. Сюй Сяочжэнь тогда опустил голову. Наверное, именно в этот момент его задела осколки. И он... ничего не сказал.

Гу Янь долго смотрел на него, сердце сжималось. Медленно наклонился и поцеловал царапины.

Он отнёс его на кровать. Посидел немного, затем взял тёплое полотенце, аккуратно протёр лицо.

Когда стал раздевать, из кармана Сюя что-то с глухим звуком выпало. Он поднял — это было кольцо. Серебряное. Шершавое, грубой работы. Ни за что не купленное — сделанное вручную.

Он заглянул в карман и нашёл наждачную бумагу.

Кольцо — Сюй сделал сам.

Он примерил его на каждый палец Сюя — ни один не подошёл. Потом надел на свой безымянный — село идеально.

Сюй Сяочжэнь сделал ему подарок своими руками.

Безвкусное, неровное и глупое.

И всё равно — бесценно.

Гу Янь никогда не бывал на кухне. Всё валилось у него из рук, движения были неуверенными, будто он оказался в чужом пространстве, где не знал, как себя вести. Он успел разбить пару тарелок — грохот прокатился по всей квартире. Но, в отличие от прежнего себя, он не вспылil. Просто молча заварил Сюю тёплую воду с мёдом и аккуратно собрал осколки в пакет, чтобы выбросить позже.

Он с неожиданной ясностью понял: не имеет ни малейшего представления, как Сюй Сяочжэнь справляется со всем этим каждый день. С бытом. С усталостью. С одиночеством. С тишиной. Ему раньше даже в голову не приходило задаться этим вопросом.

Он впервые по-настоящему задумался об этом.

Поддержал Сюя, усадил, поднёс кружку. Половина содержимого пролилась, промочила подушку насквозь. Гу Янь даже не попытался её спасти — просто выбросил. Потом лёг рядом.

Обнял со спины. Переплёл пальцы, как будто пытался удержать, не отпустить. Спрятал лицо у него в шее, вдохнул запах кожи — тёплой, уставшей, почти детской. Под пальцами — тонкий рубец, старый, почти исчезнувший. Он провёл по нему кончиками пальцев.

Сюй Сяочжэнь зашевелился. Посреди сна вдруг начал тихо всхлипывать. Сперва едва слышно — дыхание сбивалось, прерывалось, словно что-то изнутри давило. Потом громче. Тело начало дрожать. Он сжал его руку обеими ладонями, будто искал опоры, а слёзы полились без остановки — горячие, густые, будто из глубинного источника, срывались с подбородка и пропитывали подушку.

Гу Янь попытался вытереть их тыльной стороной ладони, неловко, осторожно. Но слёзы только усиливались. Сюй стянул брови, сморщил лоб, лицо исказилось от боли — не физической, а той, что поднимается из самых тёмных уголков памяти. Он свернулся в комок.

— Чжоу Янь... — прошептал он.

И снова, снова, дрожащим голосом, словно зовя кого-то сквозь сон:

— Чжоу Янь... Чжоу Янь...

Он не просто звал. Он тосковал. Что-то разрывалось в нём изнутри, и это было страшнее любых криков.

Гу Янь смотрел на него, не зная, что чувствовать. Он редко видел Сюя таким. И почти никогда — плачущим. Сам он не плакал с детства. Возможно, просто забыл, что Сюй — человек. А люди, когда им больно, плачут.

Это из-за ссоры? Из-за того, что он наговорил в клубе? Или потому что заставил его пить? Или всё сразу?

Что бы это ни было, Гу Янь в первый раз ощутил, как в груди что-то кольнуло — остро, тяжело, так, что сдавило горло. Ему вдруг стало трудно дышать.

Он впервые попытался понять, что это за чувство. Но оно было слишком незнакомым. Осталось только одно — держать Сюя крепко.

Сюй Сяочжэнь плакал прямо у него у уха. Он впервые почувствовал, что ошибался. Он не хотел, чтобы Сюй Сяочжэнь плакал.

Сюй Сяочжэнь — дурачок. Он не умеет говорить о своей любви или ненависти, о боли или тревоге. Когда ему больно, когда он переживает, когда хочет помириться, он не умеет убеждать словами. Он делает только то, на что способен дурачок: раз за разом извиняется, молча просит прощения своими поступками.

Спустя годы, затуманенные воспоминания вдруг всплыли ясно и остро — Сюй Сяочжэнь всегда был таким.

Он подарил ему целый холодильник цветов. Каждый день, вернувшись домой с мусором, покупал по несколько фруктов, которые стоили для него как целое состояние. Но так ни разу и не сказал: «Я тебя люблю». Если это не любовь, то что тогда?

Сюй Сяочжэнь не переносит алкоголь, но ради него пил до рвоты. Если это не любовь, то что тогда?

Он просто... немножко глупый.

Гу Янь обнял Сюй Сяочжэня. Сильные руки крепко обвили его, он гладил его по макушке, целовал в щеку и тихо шептал:

— Сяочжэнь, я тебя прощаю. Больше не будем ссориться.

<http://bllate.org/book/14462/1279154>